

У двери стоял офицер, который непрерывно повторял одну фразу:

— Прошу снять пальто, товарищи командиры, прошу снять пальто...

Я видела, что все командиры впереди меня снимают свои шинели и выстраиваются в очередь у гардероба. Я тоже сняла свою солдатскую шинель и подошла туда.

Принимавшая одежду женщина-сержант, принимая шинель, с любопытством посмотрела на меня и нерешительно спросила:

— Товарищ лейтенант, это ваша шинель?

— Да, моя! — Я посчитала её вопрос излишним, ведь я сама передала её ей в руки. — Это та шинель, в которой я пришла.

— Но это же обычная солдатская шинель, а на ней знаки различия сержанта, хотя вы лейтенант. Я просто боюсь, что вы что-то перепутали, поэтому и спрашиваю. Вы уверены? — Она была очень любезна; в конце концов, сейчас особое время, и те, кто попадает в Кремль, — люди не простые.

— Ах, — вот в чём дело. Я поспешила объяснить ей: — Дорогая, я приехала в Москву в большой спешке, не взяла с собой зимней одежды, и это шинель, которую я временно одолжила у товарищей в гостинице.

— Понятно. — Она протянула мне жетон. — Пожалуйста, сохраните его, он понадобится вам, когда будете забирать одежду. Желаю вам удачи!

— Спасибо! — Я взяла жетон и быстро вошла в конференц-зал, найдя место и сев в самом последнем ряду.

На трибуне стояло несколько рядов длинных столов, накрытых красным сукном. Едва я успела сесть, как на сцене появились члены президиума.

Впереди всех шёл человек в серой форменной тужурке, застёгнутой на все пуговицы. На нём были начищенные до блеска, смазанные сапоги, а в правой руке, полусогнутой на уровне пояса, он держал трубку. Он шёл по трибуне размеренным, лёгким шагом, а в двух-трёх шагах позади него следовала целая свита маршалов и генералов высокого ранга.

Я видел его фотографий не меньше тысячи, и в постсоветское время на Красной площади я часто встречал его имитаторов. Его классическая борода произвела на меня неизгладимое впечатление, поэтому, как только он появился, я без колебаний его узнал: это был Сталин!

Как только Сталин вошёл, все в зале поднялись со своих мест, и я не стала исключением. Тотчас же раздались оглушительные аплодисменты, смешанные со скрежетом стульев, откидывающихся назад.

Не было долгих приветствий: как только члены президиума заняли свои места, кто-то объявил о начале заседания. Однако председательствовал не Сталин, а Маршал Шапошников, начальник Генерального штаба РККА. Знакомый мне Маршал Ворошилов тоже сидел на трибуне, но Жукова видно не было.

Я не отрывала глаз от Сталина. Он сидел в самом дальнем ряду, в стороне от президиума. Спустя несколько минут он поднялся, раскурил трубку и начал медленно прогуливаться за спинами членов президиума. Он бесшумно ходил взад и вперед, иногда присаживался на своё отдалённое место, а затем снова вставал, чтобы продолжить свою неспешную, спокойную прогулку.

Сталин время от времени прерывал выступающих, задавая им вопросы или делая короткие ремарки.

В зале стояла полнейшая тишина, но когда Сталин замедлял свой и без того медленный, бесшумный шаг, пристально всматриваясь в выступавшего, или слегка приподнимал руку, в которой сжимал трубку, тишина становилась ещё более ощутимой. Всем было ясно: он собирается что-то сказать. В такие моменты стоявший за трибуной оратор невольно умолкал и поворачивался в сторону Сталина.

Совещание длилось несколько часов. Военные начальники фронтов один за другим поднимались на трибуну с докладами. Большинство их фамилий были мне совершенно неизвестны; ведь я помнила только таких знаменитых полководцев Второй Мировой Войны, как Жуков и Чуйков, а также маршалов старшего поколения, таких как Ворошилов, Тимошенко и Будённый.

Практически все выступавшие в один голос заявляли, что, хотя оснащение и подготовка наших бойцов находились в явном невыгодном положении по сравнению с немецкой армией, красноармейцы демонстрируют стойкость и, невзирая на комплексное наступление противника, стоят насмерть, словно пригвождённые к позициям, не отступая ни на шаг и сражаясь до последнего человека. Эту же позицию высказывали даже те генералы, которым удалось вырваться из окружения Юго-Западного фронта.

Эти избитые фразы не вызвали у меня никакого интереса. Будучи человеком из будущего, я ясно знала: Советский Союз был крайне неподготовлен к нападению Германии в начале войны. Хотя я и считала советско-германскую войну неизбежной, я всё ещё наивно надеялась максимально отсрочить её начало. Страна сверху донизу пребывала в самодовольстве и

беспечности; даже прямо перед войной, согласно Пакту о ненападении, СССР продолжал массово экспортировать в Германию стратегические материалы, такие как зерно, уголь и цветные металлы. Именно ошибочные суждения Сталина привели к тому, что Красная Армия, имея материальные резервы, оказалась абсолютно неготовой в моральном плане. Внезапное начало войны повергло многих офицеров и солдат в растерянность, а штабы, от штаба фронта до низших подразделений, погрузились в хаос. Моральная неготовность в сочетании с молниеносным наступлением немцев привела к полному краху советской обороны по всей линии фронта. Захваченные немцами запасы материальных ресурсов, которые были заблаговременно подготовлены, логично стали ресурсами, помогающими врагу.

Немецкие генералы, имевшие многолетний опыт ведения боевых действий в Европе, прекрасно умели создавать локальное превосходство в силах над Красной Армией. Вооружение Красной Армии, хоть и было многочисленным, по качеству значительно уступало немецкому. Более того, внезапность немецкого нападения не позволила Красной Армии эффективно использовать своё численное превосходство, что привело к общему отставанию в качестве вооружения. Это была одна из причин военных неудач.

Что более важно, большое количество опытных военачальников было уничтожено в результате «Большой чистки» несколькими годами ранее. Их место заняло множество молодых офицеров низкого ранга, что привело к снижению военной и культурной грамотности командного состава Красной Армии, от армии до батальона, а также к недостатку опыта и закостенелости тактического мышления, что в целом негативно сказалось на боеспособности войск. Эта ситуация стала очевидной ещё во время Советско-финской войны: Красная Армия, численностью более миллиона человек, наступала против финской армии, насчитывавшей всего двести тысяч, но из-за бездарного командования была отброшена по всему фронту. Хотя Советский Союз в конечном итоге одержал победу, он заплатил за это ужасающую цену людских потерь. Если Красная Армия показала такой результат против финской, которая была значительно слабее, то против немецкой армии, несравненно более сильной, ситуация, естественно, стала ещё хуже.

Хотя я очень хорошо знала причины поражений Красной Армии в начале войны, если бы кто-то предложил мне выступить с подобным докладом, я бы восприняла это как предложение прыгнуть с самолёта без парашюта. Это была бы просто международная шутка! В подобной обстановке существуют вещи, которые ты прекрасно знаешь, но о которых не скажешь ни под каким предлогом. Сказать что-либо необдуманно — и в лучшем случае тебя отправят на работы в Сибирь, а если ты разозлишь «одного человека» (Сталина), то вполне возможно, что тебя просто сотрут с лица земли.

Изначально я собиралась тихо отсидеться внизу, пока совещание не закончится, однако внезапный спор между генерал-полковником Коневым и Маршалом Шапошниковым заставил меня передумать.

Генерал-полковник Конев, бывший командующий Западным фронтом, заявил:

— ...Немцы завладели инициативой на поле боя исключительно благодаря своему превосходству в силах, особенно за счёт танков и авиации. Чтобы проиллюстрировать мощь вражеских ударов, я приведу лишь один пример: противник бросил две дивизии против

четырёх стрелковых дивизий нашей Тридцатой Армии, при этом немцы задействовали более четырёхсот танков. Бойцы Тридцатой Армии проявили исключительную стойкость и отступили лишь по крайней необходимости. Отступление, как известно, — это наиболее сложный вид боевых действий, требующий высочайшей боевой подготовки...

— Да будет вам, — прервал его Шапошников. — Когда закончится этот ваш «сложный вид боевых действий»? До каких пор нашим частям отступать? Когда мы начнём «стойко сражаться»? Это, между прочим, стратегический вопрос. Вы развалили Красную Армию и ещё говорите, что бойцам не хватает опыта отступления?

— Да, перед войной мы не изучали этот вид боя, мы готовились сражаться на территории противника... Я не хочу спорить, но за это мы заплатили огромную цену в этой войне, — Конев не стал отступать и вступил с ним в прямой спор.

— О, вот как, значит, все совершённые вами ошибки — это моя вина... Я считаю, что руководство Западного фронта полностью лишено стратегического предвидения и не способно гибко командовать боевыми частями...

Я считала, что слова генерала Конева были весьма разумны. Что касается Шапошникова, то я его очень презирала. Несмотря на его высокий авторитет в Красной Армии, он постоянно придерживался концепций Первой мировой войны: создавать прочные оборонительные позиции с помощью артиллерии и пулемётов и ждать, пока враг сам разобьёт о них голову, с пренебрежением относясь к передовой теории бронетанковой войны того времени. Факты же таковы: столкнувшись с танковым наступлением Гудериана, советские войска, несмотря на то что были вооружены до зубов, но, не имея опыта противотанковой борьбы, оказались беспомощными и были вынуждены отступить шаг за шагом.

Я взяла ручку и блокнот у сидевшего рядом командира и без колебаний написала:

«Я прошу слова». Затем я написала своё звание и имя, а при указании своей части я задумалась: стоит ли писать «Ленинградский фронт» или просто «Ленинград»? В конце концов я написала «Ленинградский фронт». Потом я оторвала лист и чисто механическим жестом коснулась плеча полковника, сидевшего впереди.

Тот полуоборотом повернулся, покосился на меня краем глаза и протянул через плечо раскрытую пятерню. Я вложила сложенный вчетверо листок ему в ладонь.

Только через минуту я осознала, что снова погорячилась и совершила нечто невообразимо глупое: в отличие от большинства выступающих, я знала истинные причины поражения Красной Армии. Требовать слова на таком совещании, не имея заранее подготовленного текста, грозило тем, что я непременно скажу что-нибудь лишнее.

Следующая мысль была: немедленно забрать эту записку, чтобы она не попала в президиум. Я даже слегка приподнялась, всматриваясь в спины сидящих впереди, чтобы по их движениям определить, кому в данный момент передали эту злополучную бумажку. Но всё было тщетно!

Казалось, что все, кто сидел впереди, сидели неподвижно или были поглощены записями.

В этот момент я начала утешать себя фантазиями: может быть, записка потерялась, совершив долгий путь между рядами командиров, или кто-то, занятый конспектированием, отложил её в сторону и забыл передать дальше.

Когда я увидела, как высокий, подтянутый военный, подпоясанный ремнём, возник откуда-то сбоку, собрал с передних рядов пачку записок и направился к президиуму, я почти полностью успокоилась: среди такого количества просьб о выступлении мою записку точно никто не заметит.

Несмотря на это, я продолжала механически следить за этим военным. Он лёгким шагом, держа выпрямленную руку с записками перед собой, поднялся по ступенькам к трибуне. Он сделал несколько шагов, обогнул пару рядов стульев, явно намереваясь пробиться к Шапошникову, который вёл заседание, но, увидев, что прямо к нему приближается Сталин, он в панике развернулся, отступил на несколько шагов назад, положил записки перед генералом, сидевшим в конце стола, и исчез, сбежав по ступенькам обратно в зал. Генерал разобрал записки, аккуратно сложил их в стопку и передал соседу. Таким образом, листки, передаваемые от одного к другому, быстро оказались в руках спорившего Шапошникова.

Как только Сталин встал между двумя спорящими, их прения резко оборвались. После того как Конев покинул трибуну, Шапошников уткнулся в стопку записок перед собой, нахмурился, встал и протянул одну из них Сталину, стоявшему перед ним. Сталин взял её левой рукой (в которой не держал трубку), просмотрел, ничего не сказал, а затем вернул записку Шапошникову, молча кивнув головой.

Вслед за этим весь зал услышал, как Шапошников объявил:

— Далее прошу выступить товарища Овсянникову, Ленинградский фронт!

***

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: перевод редактируется

<http://bllate.org/book/16020/1429216>